

Письма В. А. Жуковского къ разнымъ лицамъ.

1.

В. А. Жуковскій—К. Θ. Калайдовичу ¹⁾.

(Въ июнѣ 1818 г.).

Я къ вамъ съ просьбою отъ Николая Михайловича Карамзина, почтеннѣйшій Константинъ Ѳеодоровичъ. Я сообщилъ ему ваше мнѣніе о мѣсяцѣ Изокѣ ²⁾, и ему бы хотѣлось имѣть ту статью, на которой вы это мнѣніе основываете. Потрудитесь выписать изъ манускрипта то, что вы мнѣ читали; этимъ обяжете нашего почтеннаго историографа. Свое письмо доставьте Константину Яковлевичу Булгакову ³⁾ для пересылки ко мнѣ. Жду отъ васъ отвѣта и увѣренъ, что вы не откажетесь исполнить мою просьбу. Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою Жуковскій.

На письмѣ отмѣтка руки Калайдовича: Получ(ено) 26 іюня 1818 отъ его прев(осходительства) Конст(антина) Яковл(евича) Булгакова.

10-го октября 1818 г.

Отвѣчаю нѣсколько поздно на письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Ѳеодоровичъ; извините лѣнивца, поэта. Вы пишете ко мнѣ о за-

¹⁾ Два письма Жуковского къ К. Θ. Калайдовичу печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

²⁾ О томъ же просилъ Калайдовича и самъ Карамзинъ въ письмѣ отъ 11-го іюня 1818 г., изъ Царскаго Села (см. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 445, и примѣчанія, стр. 0179).

³⁾ Пріятелю Жуковского, с.-петербургскому почтъ-директору.

мѣчаніяхъ на Исторію Николая Михайловича, посланныхъ мнѣ черезъ Булгакова. Я ихъ не получалъ. Вѣроятно, почта ихъ поглотила. Если вы уже не послали новаго экземпляра ихъ къ нашему историографу (онъ сказывалъ мнѣ, что имѣлъ отъ васъ письмо), то потрудитесь послать его ¹⁾. Можете адресовать письмо прямо на его имя. Онъ живетъ въ домѣ Екатерины Ѳедоровны Муравьевой у Аничковскаго моста на Фонтанкѣ.—Я съ своей стороны пользуюсь только этимъ случаемъ, чтобы снова увѣрить васъ въ томъ почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

2.

В. А. Жуковскій—В. К. Кюхельбекеру ²⁾.

Вы были у меня вчера, любезнѣйшій Вильгельмъ Карловичъ. Очень сожалѣю, что не застали меня. Но по утрамъ меня никогда не бываетъ дома. Лучше всего заставить меня отъ 7-ми до 9-ти часовъ послѣ обѣда. Тутъ мое домашнее и свободное время. Благодарю васъ за вашъ подарокъ. Но на предложеніе ваше, къ сожалѣнію, долженъ отвѣчать: нѣтъ. Не имѣю времени заняться переводомъ Макбета, какъ бы ни пріятно было потрудиться вмѣстѣ съ вами. Примитесь одни за этотъ подвигъ. Удача будетъ вѣрная. Жуковскій.

3.

В. А. Жуковскій—къ неизвѣстному лицу ³⁾.

19-го октября (н. ст. 1821), Франкфуртъ на Майнѣ.

Я наконецъ во Франкфуртѣ ⁴⁾ и спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Еще разъ благодарю васъ за вашу любезную обязательность и

¹⁾ Карамзинъ благодарилъ Калайдовича за его основательныя и любопытныя примѣчанія письмомъ отъ 28-го ноября 1818 года (см. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 445).

²⁾ Печатается съ подлинника, принадлежащаго редакціи „Русской Старины“.—Изъ писемъ Жуковскаго къ Кюхельбекеру извѣстно въ печати одно, относящееся, вѣроятно, къ началу 1823 года (см. „Русскую Старину“ 1875 года, № 7, и Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 459—461).

³⁾ Печатается съ подлинника, принадлежавшаго покойному академику А. Ѳ. Бычкову.

⁴⁾ Во Франкфуртъ Жуковскій пріѣхалъ на возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію именно 19-го октября н. ст. 1821 года (см. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 165).

возвращаю вамъ ваши червонцы, которые остались неприкосновенными. Они послужили только для того, чтобы обезпечить меня во время дороги насчетъ возможныхъ казусовъ. Деньги я отдалъ банкиру Gontard et fils ¹⁾, а это письмо отправять по почтѣ. Время до Франкфурта было мнѣ благопріятно; я видѣлъ прекрасно и Гейдельбергъ, и долину Некара, и Bergstrasse. Теперь идетъ дождикъ, но, можетъ быть, только для того, что я сижу; какъ скоро тронусь съ мѣста, онъ уймется: по крайней мѣрѣ таковъ былъ порядокъ во все мое путешествіе. Простите; обнимаю васъ дружески. До свиданія. Честь имѣю быть съ совершенною къ вамъ преданностію вашимъ покорнымъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

4.

Отрывокъ письма Жуковскаго о его путешествіи въ Италію въ 1833 г.

Этотъ отрывокъ письма Жуковскаго сохранился, въ черновомъ подлинникѣ, въ его бумагахъ, пожертвованныхъ въ 1884 году Императорской Публичной Библиотекѣ сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ ²⁾. По всему вѣроятію, отрывокъ этотъ представляетъ собою начало того письма Жуковскаго, въ которомъ онъ думалъ описать наслѣднику Александру Николаевичу свое путешествіе по Италиі ³⁾ и котораго мы не находимъ между изданными письмами его къ цесаревичу.

Вотъ я поселился на три недѣли въ Шлангенбадѣ ⁴⁾. Время весьма непріятное, пасмурное, холодное, то дуетъ пронзительный сѣверный вѣтеръ, то идетъ мелкій осенній дождь, изрѣдка проглядываетъ солнце, но только для того, чтобы подразнить своимъ минутнымъ присутствіемъ. Въ ясную погоду здѣшняя природа могла бы показаться пріятною:

¹⁾ Такимъ образомъ можетъ быть объяснено, кто такой Гонтаръ, у котораго Жуковскій былъ во Франкфуртѣ 24-го октября н. ст. 1821 г. (см. Дневники Жуковскаго, стр. 165).

²⁾ Именно въ тетради № 40, об. л. 1—об. л. 5 (см. И. Бычковъ, Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 106—107).

³⁾ „Изъ Шлангенбада, въ коемъ буду заключенъ на три недѣли,—писалъ Жуковскій цесаревичу 19-го (31-го) іюля 1833 года, изъ Франкфурта—буду писать къ вамъ; употреблю это время на то, чтобы составить для васъ подробную реляцію моего быстрога путешествія по Италиі“ (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 400).

⁴⁾ Въ Шлангенбадѣ Жуковскій пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, 19-го (31-го) іюля 1833 года, а выѣхалъ изъ Шлангенбада 4-го (16-го) августа.

зеленныя неглубокія долины, на днѣ коихъ вьются ручьи и дороги и разсыпаны крестьянскіе дома, мельницы, огороды. Но теперь все печально, и не хочется вытти изъ горницы. Живу въ огромномъ, старинномъ и довольно нечистомъ домѣ Nassauer Hof; комнаты мрачны; въ окна и двери несетъ; общества мало, хотя жильцевъ и довольно. Въ Эмсѣ и Швальбахѣ пьютъ и купаются; здѣсь только что купаются, и каждый въ свой часъ; отъ этого всё розно. Однимъ словомъ здѣсь мрачно, пусто и скучно. Займусь описаніемъ прошедшаго.

Я видѣлъ чудесный сонъ: множество великихъ, до безконечности разнообразныхъ предметовъ, кои такъ долго, такъ долго, съ первой молодости до теперешнихъ лѣтъ, говорили воображенію, привлекали мысли, тревожили любопытство, стѣснившись въ одну толпу, въ нѣсколько минутъ промчались передъ глазами моими, всколыхали всю душу, какъ буря, и исчезли. Видѣлъ ли я ихъ—не вѣрится; наслаждался ли ихъ явленіемъ—не знаю. Весьма немного осталось въ душѣ отъ этого очаровательнаго хаоса охладѣвшихъ воспоминаній, и едва ли удастся привести въ нѣкоторый порядокъ это немногое.

Все путешествіе мое съ береговъ Женевскаго озера до Неаполя и обратно отъ Неаполя до уединеннаго моего домика въ деревнѣ Вернѣ продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Я выѣхалъ изъ Вернѣ 13-го апрѣля ¹⁾ и черезъ десять дней уже былъ посреди голубыхъ волнъ Средиземнаго моря, на пароходѣ Il Real Ferdinando. Какая быстрая смѣна климатовъ, время года и сценъ природы! Изъ Ліона (до котораго мы доѣхали въ два дни изъ Женевы, преслѣдуемые холоднымъ вѣтромъ, дождемъ и снѣгомъ, въ виду темносиней бѣлоголовой Юры) отправились мы въ 5 часовъ утра на пароходѣ. Съ обѣихъ сторонъ промелькнули мимо насъ берега быстрой Роны, покрытые безлиственными деревьями; нигдѣ еще не было зелени; дулъ холодный мистраль, и ничто не возвѣщало весны; но въ пять часовъ послѣ обѣда, вышедъ на берегъ у Авиньона, мы очутились посреди зеленѣющихъ полей, распустившихся цвѣтущихъ деревьевъ, и надъ нашею головою разстилось голубое прованское небо, съ легкими, прозрачными облаками. Передъ нами блистала весна, несмотря на сѣверный мистраль, который пронзалъ насъ насквозь и подымалъ столбами бѣлую пыль на дорогѣ. Не могу ничего сказать о южной Франціи; я нигдѣ не хотѣлъ останавливаться; цѣль моя была поймать пароходъ въ Марсели. То, что я могъ видѣть въ Провансѣ съ большой дороги, совсѣмъ не привлекательно и нисколько не отвѣчаетъ тому поэтическому понятію, которое мы составляемъ себѣ о сей знаменитой отчизнѣ трубадуровъ: голыя, ободранныя холоднымъ мистралемъ или сожженныя зноемъ юга равнины; бѣлые, совершенно

¹⁾ Новаго стиля (см. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 264).

нагіе утесы; бѣдныя деревни, составленныя изъ худо построенныхъ нечистыхъ лачужокъ, въ коихъ ничто не утѣшаетъ картиною веселой домашней жизни; вотъ все, что я видѣлъ по дорогѣ отъ Авиньона до Марсели. Окрестности Экса довольно живописны, но весь путь отъ Экса до Марсели представляетъ печальную пустыню утесовъ; иныя мѣста такъ печальны и дики, что воображенію невольно мечтаются безжизненныя окрестности Мертваго моря, давно пораженнаго проклятіемъ неба. Наконецъ взвѣзжаешь на высоту, и вдругъ видишь голубой заливъ Средиземнаго моря, гавань, наполненную лѣсомъ мачтъ, и Марсель, окруженный безчисленнымъ множествомъ бастидъ ¹⁾, бѣлый городъ, расположенный по отлогому берегу, окруженный съ суши бѣлыми утесами горами, а съ моря грядami бѣлыхъ утесистыхъ острововъ. Видъ великолѣпный, но не привлекательный: зданія кажутся продолженіемъ утесовъ; бастиды не защищены отъ зноя тѣнистыми деревьями, а блѣдая зелень оливъ не утѣшаетъ взора, которому все представляется знойнымъ и пыльнымъ.

Наше плаваніе, продолжавшееся семь дней, было благополучно. Я видѣлъ всѣ западные берега Аппенинскаго полуострова отъ Марсели до Неаполя. Не знаю, какое дѣйствіе произвело бы надо мною это величественное Средиземное море, когда бы я очутился на немъ въ молодые, поэтическіе годы жизни: но и теперь, когда уже поэзія для меня миновала, оно сильно расшевелило мое воображеніе: его лазурь спокойно разстилалась передъ глазами моими; все было тихо; одинъ только кипучій серебряный слѣдъ тянулся за нашимъ пароходомъ, и слѣва медленно развивались голубые гористые берега Италіи: а мыслямъ мечтались всѣ сорокъ вѣковъ исторіи человѣческаго рода, коего главныя судьбы рѣшались на берегахъ этого моря, омывающаго Египеть, Палестину, Малую Азію, Грецію, Италію, Сицилію, Корсику, Францію и Испанію. Темныя вѣка пирамидъ, патриархальныя времена пророковъ, баснословныя странствія финикіянъ и грековъ, развозившихъ повсюду сокровища торговли, законовъ и наукъ, Аргонавты, Улиссъ и Эней, флоты римлянъ и кареагенянъ; все обновляющій крестъ въ Палестинѣ и корабль апостола Павла, таинственно входящій въ пристань Пуццольскую; новый Римъ, могущественнѣйшій древняго; арабы, норманы, крестоносцы; блескъ Венеціи и Генуи и, наконецъ, въ наше время два плаванія Наполеона отъ Египта и Эльбы и цѣлое тысячелѣтіе Рима, возобновившееся въ десять годовъ жизни одного чудеснаго человѣка, все это волновало душу; толпа великанскихъ привидѣній наполняла пространство между голубымъ безоблачнымъ небомъ и равниною моря, ко-

---

¹⁾ Такъ называются на югѣ Франціи, особенно около Марсели, загородныя дачи.

торое и теперь такъ же спокойно его отражало, какъ и въ тѣ времена, когда ладьи фокейскихъ изгнанниковъ летали по немъ съ колыбелию Массиліи ¹⁾. Въ первый день проѣхали мы въ виду Тулонской пристани, загороженной отъ насъ двумя огромными утесами; изъ-за нихъ вдали мелькали корабельныя мачты; солнце зашло, когда мы очутились между грядями Пьерскихъ острововъ и южнымъ берегомъ Франціи, на коемъ у подошвы голубыхъ и violetовыхъ горъ мелькалъ Гіеръ, окруженный померанцовыми садами.

Въ первый день путешествія чувствовалъ я морскую болѣзнь, которая не дала мнѣ покоя и ночью; но къ утру все миновалось. Было ясно и тихо, когда я изъ тѣсной каюты своей вышелъ на палубу. Ночью прошли мы мимо Фрежюса, Антиба и Ниццы и теперь находились уже противъ С.-Ремо. Великолѣпные берега Италиі лежали передъ глазами моими въ прозрачномъ туманѣ утра; ихъ формы безпрестанно измѣнялись; намъ ясно видна была дорога, идущая по крутизнамъ надъ самымъ моремъ (всѣ эти части берега извѣстны подъ именемъ *Corniche*); путешественники мелькали на высотѣ его какъ черныя точки; сквозь тонкій паръ, надъ свѣтлою лазурью моря, посреди темной лазури береговъ мелькали въ дали, приближались и исчезали позади насъ города и виллы; мы быстро прошли мимо S. Mauricio ²⁾, Oneglia, Alassio, Albenga, и наконецъ вдалекѣ открылась Генуя. Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе Генуэзской гавани съ моря: солнце ярко блистало, когда мы къ ней приближались; сперва явилась необозримая полоса зданій: ибо (въ отдаленіи кажется, что всѣ города, расположенные по заливу Спецъ, Сестри, Рекко, Рапалло, Нерви и Генуя, составляютъ одинъ; но вдругъ Генуя величественно отдѣляется отъ прочихъ, растетъ изъ воды по мѣрѣ приближенія къ ней и, наконецъ, обхватываетъ тебя своею глубокою гаванью, впереди которой, какъ великанъ-стражъ ея, возвышается башня, служащая фarosомъ для кораблей, плывущихъ къ гавани во время ночи. Городъ стоитъ на полугорѣ и сходитъ безчисленнымъ множествомъ зданій къ самому морю; онъ обнесенъ двумя стѣнами и защищенъ укрѣпленіями, по высотамъ расположенными. Ни одинъ городъ въ Италиі не имѣетъ такого множества монументальныхъ великолѣпныхъ домовъ, какъ Генуя, и въ этомъ отношеніи она совершенно заслуживаетъ имя свое *la superba*; но я не могъ насладиться ея великолѣпіемъ, хотя нашъ пароходъ и пробылъ 24 часа въ гавани: во

¹⁾ Массиліа—древнее названіе Марсели. Ее основали, какъ извѣстно фокейцы около 600 г. до Р. Х.

²⁾ T. e. S. Maurizio.

все это время лилъ проливной дождь, и не было никакой возможности осматривать городъ: я могъ видѣть только внутренность нѣкоторыхъ главныхъ зданій. Palazzo del Re въ Strada Balby есть старинное зданіе; оно принадлежало прежде фамиліи Durazzo; въ его картинной галлерей находятся нѣкоторыя замѣчательныя картины, напримѣръ Веронезова Марія, омывающая ноги Спасителя, и Тиціановы Пастухи передъ Младенцемъ Іисусомъ. Вестибуль университета есть превосходный памятникъ зодчества. Древній дворець Андрея Доріи привлекателенъ своими историческими воспоминаніями: на его терассѣ, съ коей видна вся приставь, знаменитый дождь угощаль императора Карла V. Рассказываютъ, что золотыя блюда, на коихъ подносили были кушанья Карлу, были всѣ брошены передъ глазами его въ море: это польстило алчности императора; но въ глубинѣ моря таилась сѣть, и ни одно изъ драгоценныхъ блюдъ не осталось на днѣ его. Въ Palazzo Serra показываютъ залу, блестящую позолотою, кристаллами, зеркалами и стоявшую, какъ увѣряютъ, 1.200.000 франковъ: мнѣ она не понравилась, великолѣпіе безъ вкуса; остальные комнаты дворца своею бѣдностію и нечистотою составляютъ странную противоположность съ сей знаменитою залою. Изъ церквей Генуи я видѣлъ только три; въ каедральной S. Lorenzo, построенной изъ бѣлаго и чернаго мрамора, почитаютъ мощи Іоанна Крестителя; въ ней находятся также и гробницы знаменитой фамиліи Фіески. Церковь Annunziata есть великолѣпнѣйшій храмъ Генуи. А старинная церковь S. Stefano привлекаетъ путешественника не пышностію архитектуры, а картиною Рафаеля, изображающею мученичество (вятаго) Стефана. Часть сей прекрасной картины писана самимъ Рафаелемъ, а часть Юліемъ Романомъ, знаменитымъ ученикомъ его. Театръ Carlo Felice, въ которомъ я видѣлъ Беллиніеву оперу *Il Pirata* и балетъ *Eteocle e Polinice* есть, по моему мнѣнію, лучший въ Италіи; можетъ быть, *La Scala* въ Миланѣ и *S. Carlo* въ Неаполѣ огромнѣе, но оба уступаютъ генуэзскому и красотою, и великолѣпіемъ архитектуры. Дождь пересталъ, но облака покрывали небо и вѣтеръ волновалъ море, когда мы возвратились на пароходъ свой; волненіе продолжалось до утра, и ночью возобновился дождь; но къ утру небо прояснилось, и прекрасная, хотя довольно холодная погода встрѣтила насъ въ Ливурнской гавани. Ливурна городъ не великолѣпный, но многолюдный и оживленный торговлею. Позавтракавъ въ *café Minerva*, мы отправились въ Пизу, находящуюся въ трехъ часахъ ѣзды отъ Ливурны. Сей городъ, нѣкогда знаменитый, полный силы и жизни, сохранилъ все древнее свое великолѣпіе, но тихъ и пустъ, какъ огромная гробница. Его каедральная церковь съ своею наклоненною колокольнею, *Battisterium* и *Campo Santo*, стоящіе на одной площади, покрытой травою, приво-

дать въ изумленіе величіемъ своей архитектуры; но окружающая ихъ заупустѣлость невольно приводитъ въ уныніе душу...

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

5.

В. А. Жуковскій—А. С. Стурдзѣ ¹⁾.

20-го іюля [1836 г. С.-Петербургъ].

Спѣшу теперь только увѣдомить васъ, почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ, что вашъ манускриптъ ²⁾ мною полученъ. Нынѣшній день я имѣлъ удовольствіе видѣть господина Карузо ³⁾, который самъ отдалъ мнѣ вашу книгу. Благодарю васъ сердечно за доставленіе оной. Надѣюсь, самъ прочитаю ее вмѣстѣ съ в[еликимъ] к[няземъ] ⁴⁾; для этого будетъ у меня и время, ибо онъ не поѣдетъ съ государемъ императоромъ въ Калишъ ⁵⁾. Но когда возвращу вамъ манускриптъ, не знаю, ибо скоро прочитать его будетъ невозможно. А ввѣрить его кому-нибудь или почтѣ—страшно. Доставьте мнѣ сами для этого случай, указавъ на человѣка, которому бы можно было, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отдать его. Буду хранить его съ должнымъ къ нему

¹⁾ Это письмо и слѣдующее—въ гр. Эдингъ—печатаются съ подлинникова, находящихся въ распоряженіи А. Θ. Шидловскаго, любезно предоставившаго намъ возможность опубликовать ихъ.

²⁾ Здѣсь говорится о рукописи: „Отрывокъ изъ исторіи XIX столѣтія. Сочиненіе Александра Стурдзы. 1833“; она заключается на 449 страницахъ, въ листъ, и сохранилась въ бумагахъ А. С. Стурдзы, находящихся нынѣ у А. Θ. Шидловскаго. Этотъ трудъ Стурдзы содержитъ въ себѣ изложеніе событій, происшедшихъ въ Россіи съ 1769 г., и заканчивается описаніемъ убіенія графа И. А. Каподистрії 27-го сентября 1831 г.; во многихъ мѣстахъ онъ носитъ характеръ личныхъ мемуаровъ Стурдзы.

³⁾ Пріятель А. Стурдзы молодой офицеръ, бывшій тогда майоромъ.

⁴⁾ Александромъ Николаевичемъ, впоследствии императоромъ.

⁵⁾ 9-го августа 1836 г. въ Калишѣ, въ присутствіи императора Николая, императрицы Александры Θεодоровны, великаго князя Константина Николаевича, великой княжны Ольги Николаевны (убѣжавшихъ 1-го августа изъ Петербурга) и иностранныхъ гостей, былъ смотръ отряду гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Наслѣдникъ, дѣйствительно, въ этомъ смотрѣ участія не принималъ.

уваженіемъ. Когда прочту, напишу къ вамъ. Теперь простите. Мое душевное почтеніе всѣмъ вашимъ. Преданный вамъ Жуковскій.

Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій.

6.

В. А. Жуковскій—графинѣ Р. С. Эдлингъ¹⁾.

1-го (13-го) сентября 1840 г. Дюссельдорфъ.

Любезнѣйшая графиня! Я почиталъ бы себя погрѣшившимъ передъ дружбою, которую къ вамъ питаетъ мое сердце и которую оно вѣрно сохранить къ вамъ во всю мою жизнь,—если бы не сказалъ вамъ хотя одного слова о томъ, что со мною произошло. Я очень сожалѣю, что не довѣрился вамъ, когда вы были около меня: мнѣ было бы такъ пріятно порадоваться тѣмъ вниманіемъ, которое вы проявили по отношенію ко мнѣ съ такою сердечностью, и раздѣлить съ вами счастье, которое уже тогда наполняло мою душу. Итакъ, дорогой другъ, благословите меня! Я нашелъ счастье жизни; правда, нѣсколько поздно, но я нашелъ его именно такимъ, о какомъ всегда мечтало мое сердце; оно само пришло ко мнѣ на встрѣчу, и я глубоко чувствую, что это Богъ, въ Своей неизяснимой добротѣ, благоволилъ ниспослать мнѣ его; Онъ приготовилъ его для меня и далъ мнѣ его помимо моихъ

¹⁾ Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ (род. въ 1786, ум. въ 1844 г.), сестра А. С. Стурдзы, одна изъ просвѣщеннѣйшихъ и умнѣйшихъ женщинъ своего времени, была фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Императоръ Александръ питалъ глубокое уваженіе къ Роксандрѣ Скарлатовнѣ, любилъ встрѣчаться съ нею и часто находилъ утѣшеніе и облегченіе въ ея бесѣдахъ, цѣня умъ ея и высокія нравственныя качества; ихъ взаимная переписка напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 г., кн. III, стр. 373—377 и, по сообщенію А. О. Шидловскаго, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1899 г., № 1, стр. 483—499. Покровительствуемое императоромъ сватовство Каподистрии на фрейлинѣ Стурдзѣ окончилось неудачей для графа, и въ 1816 году Роксандра Скарлатовна вышла замужъ за графа Альберта-Гаэтана Эдлинга (ум. въ 1841 г.), занимавшаго постъ министра иностранныхъ дѣлъ и маршала въ великомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ. Въ 1822 году супруги Эдлингъ поселились въ Одессѣ, а съ 1824 г. — въ пожалованномъ Роксандрѣ Скарлатовнѣ императоромъ Александромъ имѣніи „Манзырь“, гдѣ графиня сумѣла создать цѣлый рядъ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ учреждений. Жуковскій, какъ видно и изъ печатаемаго здѣсь письма, съ большимъ уваженіемъ и сердечностью относился къ графинѣ Эдлингъ; начало знакомства ихъ, безъ сомнѣнія относится ко второй половинѣ десятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

исканій. Молитесь Ему, молитесь вмѣстѣ со мною, чтобы Онъ благоволилъ сохранить его для меня!

Вотъ уже три недѣли, что я—женихъ дочери г. Рейтерна. Это ангелъ, который пожелалъ связать себя съ моею жизнью и придать ей ея дѣйствительную цѣну. Я люблю ее, какъ свою душу, не съ страстностью молодого человѣка, но съ глубокою довѣрчивостью, которая успокаиваетъ, возвышаетъ и очищаетъ все мое существо. Она любитъ меня такъ, какъ будто бы я былъ молодой человѣкъ. Какъ это могло случиться, я и самъ не понимаю, но я ею обязанъ—только ей одной: ничье постороннее вліяніе не оказывало на нее своего воздѣйствія; ея безхитрое и чистое сердце соединилось съ моимъ; она его помолодила, она окрасила для меня настоящее и открыла для меня будущее, о которомъ я пересталъ уже и мечтать. Раздѣлите, какъ другъ, мое счастье и помолитесь о томъ, чтобы оно не было отъ меня отнято, и чтобы ему покровительствовало и его сохранило Провидѣніе, которое милостиво ниспослало мнѣ его не по моимъ заслугамъ.

Передайте объ этомъ моему милѣйшему другу Стурдѣ; я увѣренъ, что онъ порадуется моему счастью. Прощайте, милая, милая графиня! Сохраните ко мнѣ вашу драгоценную дружбу. Весь вашъ Жуковский ¹⁾.

Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій.

---

¹⁾ Вотъ оригинальный текстъ этого письма:

Chère Comtesse, je croirois manquer à l'amitié que mon coeur vous a vouée et qu'il vous conservera fidèlement toute ma vie, si je ne vous disois pas un mot sur ce qui m'arrive. Je regrette même beaucoup de ne vous avoir pas fait ma confidence lorsque vous étiez près de moi: il m'aurait été si doux de jouir de l'intérêt que vous m'aviez chaudement temoigné et de partager avec vous la félicité qui déjà alors remplissait mon âme. Eh bien, chère amie, bénissez moi! j'ai trouvé le bonheur de la vie; un peu tard, il est vrai, mais je l'ai trouvé tel que mon coeur l'a toujours rêvé; il est venu de lui même à ma rencontre et je sens profondément, que c'est Dieu qui dans Sa bonté ineffable m'a daigné l'accorder; c'est Lui qui me l'a préparé, qui me l'a donné sans que je l'ai recherché. Priez Le, priez avec moi, qu'Il daigne me le conserver. Depuis trois semaines je suis fiancé à la fille de Reutern. C'est un ange, qui veut s'associer à ma vie et lui donner sa valeur réelle. Je l'aime comme mon âme, non avec la passion d'un jeune homme, mais avec la persuasion profonde qui calme, élève et purifie tout mon être. Elle m'aime comme si j'étais jeune. Comment cela a pu se faire, je ne le conçois pas moi-même; mais je la, dois à elle seule, aucune influence étrangère n'a influé sur elle; son coeur simple et pur c'est allié au mien; il l'a rajeuni, il a embelli pour moi le présent et m'a ouvert un avenir auquel j'ai

7.

В. А. Жуковскій—Н. В. Гоголю ¹⁾.

(Во второй половинѣ ноября 1843 года)

Любезнѣйшій Гоголекъ, пишу къ вамъ только для того, чтобы вы сказали мнѣ поскорѣе, доѣхали ли вы въ Ниццу, и прислали мнѣ вашъ адресъ. У меня лежитъ для васъ вексель въ 100 франковъ. Не могу послать его наугадъ въ Ниццу. Скорѣе, скорѣе напишите ко мнѣ. У меня дома все постарому, какъ видѣли вы. А Одиссея идетъ впередъ ровнымъ шагомъ. Если будетъ возможность остаться еще на два года за границей, то привезу въ Россію готовую Одиссею и еще, можетъ быть, кое-что. Въ Ниццѣ ли Александра Осиповна ²⁾? Рекомендуйте ей мою рождающуюся 3000-лѣтнюю дочку, которую я люблю почти, какъ родную. Жду отвѣта, вашъ Жуковскій.

Есть еще у меня къ вамъ и письмо отъ Шереметьевой ³⁾. Пошлю, когда получу адресъ. Другихъ писемъ нѣтъ ⁴⁾.

---

déjà cessé de rêver. Partagez en amie ma félicité et faites des vœux qu'elle me reste, qu'elle soit protégée et conservée par la Providence qui a daigné me l'accorder sans mon mérite. Conservez tout cela à mon excellent ami Stourdza; je suis sûr qu'il se réjouira de mon bonheur. Adieu, chère, chère Comtesse. Conservez moi votre précieuse amitié. Tout à vous Joukovsky.

1 (13) Septembre 1840

Dusseldorf.

На оборотѣ: A Madame la Comtesse d'Edelink à Odessa.

Запечатано облаткой, на которой виденъ отпечатокъ Пушкинскаго перстня-талисмана.

¹⁾ Это письмо печатается съ копіи, снятой съ подлинника племянникомъ Гоголя Н. П. Трушковскимъ и сообщенной редакціи „Русской Старины“ М. Ѳ. Де-Пуле. Оно дополняетъ рядъ писемъ Жуковскаго къ Гоголю, изданныхъ въ приложеніяхъ къ отчету Импер. публичной бібліотеки за 1887 г., въ „Русской Старинѣ“ 1889 года, январь, стр. 147, и Сборникѣ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ.

²⁾ Смирнова, рожденная Россетъ.

³⁾ Надежды Николаевны.

⁴⁾ Отвѣтное письмо Гоголя Жуковскому, изъ Ниццы, отъ 2-го декабря 1843 года, см. въ письмахъ Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, Томъ второй, стр. 365—367.

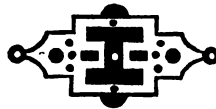
8.

В. А. Жуковскій—Θ. В. Булгарину.

Ты высокъ духомъ, за то и живешь высоко; и доступъ къ тебѣ, какъ ко всему великому и высокому, трудный.—Я побѣдилъ всѣ трудности, вскарабкался на высоту и не нашелъ никого на этой высотѣ. Прискорбно это мнѣ, хотя для меня (столь часто лавившаго по пустякамъ на высоту Парнаса) и не ново.

Жаль, что не удалось сказать тебѣ слово. Долго не увидимся. Ёду въ Дерптъ на мѣсяцъ—нынче же обѣдаю вмѣстѣ съ Дашковымъ у Блудова; а на вечеръ къ Батюшкову. Не занесетъ ли и тебя въ одно изъ этихъ мѣстъ или къ одному изъ этихъ смертныхъ, случай или намѣреніе?

Благодарю за табакерку. Жуковскій ¹⁾.

---

¹⁾ Когда написано было это письмо, опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ въ дни молодости В. А. Жуковскаго. Извѣстно, что въ послѣдующее время онъ находился съ Θ. Булгаринимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ.